

СПАСИБО, СТАРШИЕ ТОВАРИЩИ!

Автобиографические строки

Я, Власов Алексей Григорьевич, родился в 1940 году в с. Сохрановка Чертовского района Ростовской области. В крестьянской семье. Трудовой путь начал в Украине. Работал в Луганской областной газете «Молодая гвардия», учился в театральной студии при русском драмтеатре; состоял на актерском учете на Киевской киностудии имени А.П. Довженко.

С 1965 года на Камчатке. Работал в газетах, райинспектором Камчатрыбвода, в Доме творчества.

С 1983 г. член Союза писателей СССР. Член Союза журналистов России. Состою в Географическом обществе АН РФ.

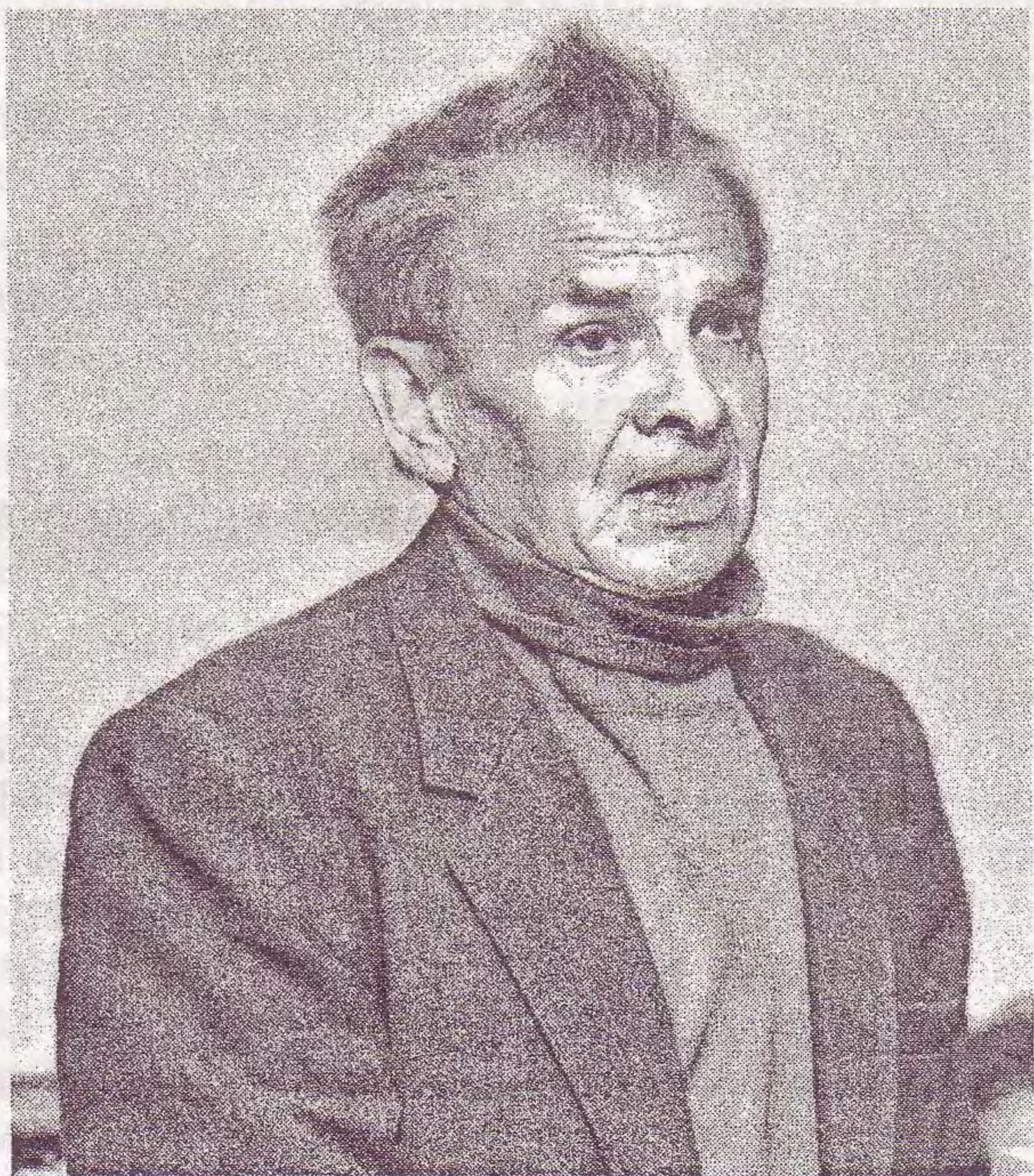
Публиковался в «Комсомольской правде», «Молоте», «Комсомольце», «Вечернем Ростове», «Вес-

ти чертковские». В журналах «Советский Союз», «Техника-молодежи», «Дон», «Дальний Восток». Мои стихи звучали на ЦТ, в «Клубе путешественников». Своими стихами открывал первую информационную пятиминутку на московской радиостанции «Маяк». Мои радиожурналы «Я тебя открываю, Камчатка» вошли в Золотой фонд Камчатского радио и телевидения и оставлены на вечное хранение.

Мои стихи вошли в пособия и хрестоматии для школ Камчатки.

Многие помогали мне в жизни. Но моя особая благодарность Ю.А. Жданову, А.В. Калинин, Б.Н. Куликову.

Однако и я, будучи председателем Корякского окружного совета творческой молодежи, помог многим молодым поэтам и прозаикам.

ОТЧИЗНА

Летних яблонь, слив иль вишен
Родниковый разговор.
Среднерусская возвышенность,
Для меня ты выше гор.

Взор тобою весь заполнен:
Вот отчизна в полный рост —
От высоких колоколен
До огромных дальних звезд.

С чем сравнить любви вершины
К людям, к Родине, к полям?
Обелиски средь равнины
Не сровнять с землей векам.

Высоту с весенним ветром
Мы добыли для страны.
О, страна моя, над веком
Мы тобой вознесены.

В блеске чистом, небывалом
Беломраморней снегов
Русь высоких идеалов
И приземистых холмов.

В БЕРЕЗОВОЙ РОЩЕ

Говорят мне белые березы:
- Мы пока не в листьях, так смотри
На простор открытый, сине-розовый.
С горушки, из рощи, изнутри.

Покорил высокую я сопку.
Сон берез. То шум, то тишина.
Я бы обнял каждую березку,
Каждая красива, как весна.

* * *

ОПЛОТ МОЙ - ДОМ

Кто строит европейский дом,
Кто азиатский, мне же нужен
Один - единственный притом,
И кружка молока на ужин.

Пусть европейские дома
Цветут, и в розах сплошь фазенды,
Но мне отцовский дом, где мать
Готовила борщи - легенды,
Надега и зимой и летом.

Саманный, крепкий, гулкий дом;
Когда всесветные метели
Метут, согреет он теплом,
Мяжки пуховые постели.

Коровки божьи дом обмерили;
Квадратных метров - сорок пять.
Есть час подумать об Америке,
О киевских делах опять.

Штормам, ветрам он вышел мысом
Навстречу; солнцем летом сыт.
Пропитан каждый атом мыслью
В нем о судьбе моей Руси.

Оплот мой - дом! Походы, битвы
Оставив позади, я тут
Сил наберусь, и вновь орбиты
В Надзвездье, в дали позовут.

СЛЕДЫ В СНЕГУ

В моих следах ночуют птицы.
Мои следы не замечает.
В них безмятежно птицам спится,
И их пурга не замечает.

Пурга лютует - на равнине
В такую пору не укрыться.
Пурга, как горная лавина,
Пурга, как серая волчица.

Следы — как гнезда, пух - снежок,
Его нанес с лихвой восток.
И птицы в этих гнездах спят,
Как спят под снегом лес и сад.

И я был в тундре мят пургой.
Семь дней переждал пургу.
Псы грели там меня собой,
С тех пор собак я берегу.

Из них не делаю пальто
И не стреляю у дворов.
Мне было с ними так тепло
Под одичалый ветра рев.

Следы верша, бреду в снегу.
Горят электрофонари.
И птицы переждут пургу
В снегах глубоких до зари.

* * *

ИСПАНСКАЯ ГРУСТЬ

Скрываются за гранью совершенства
Строительной площадкою мира.
А лунный лик как будто по соседству.
Паланы бег еще смущают льды.

И на тебе, неизвестной, багрянец
Иного мира, нежного, как шелк.
И веером дрожит цыганский танец.
Костер вечерний, птичий перещелк.

И ты. И ты. Серьезная. Молоденькая.
Средь тьмы неясной - солнце, светизна.
Эпох безмерных нежная мелодия.
Испанской грусти тихая струна.

ПЕСНЬ СЛЕПЦА

Моя военная деревня,
Как овдовевшая царевна.
Шел из конца по ней в конец
С цимбалами слепой певец.

О чем он пел? О том не помню,
Совсем не помню, хоть убей.
Скорбь ветра, стонущего в поле.
Иль чей-то плач, что было в ней?

Вот ты мне встретился с гитарой
В краю, где шли потоки лав.
Спросил: - Как звать тебя-то, старый?
И ты ответил: - Станислав.

Мой одноклассник! В век модерна
Сердечный не забыть язык.

ПЕРВОПРОХОДСКИЙ ОПЛОТ

Струится Дон, течет Камчатка...
И тут ветла, и там ветла.
Судьбе бросаю я перчатку.
И - на коня! И - на ветра!

Несет в дорогу не обида,
А забурунные крыла.
И вот она, моя Колхида,
Золоторунные края.

А подо мной - хребет Срединный,
И на четыре стороны
Отсюда, с крутизны орлиной,
Мне дали дальние видны.

Всю Русь я взором обнимаю -
Всю, от долгот и до широт.
Всю, от глубин и до высот,
В снегах, в дожде, в цветенье мая.

Светло под небом, в стынь и летом,
С одной лишь разницей такой:
В Задонье воздух пахнет хлебом,
В камчатской стороне - тайгой.

Все эти горы и распадки -
Первопроходческий оплот.
...И Пушкин тянется к Камчатке.
И Витус Беринг к ней плывет.

* * *

КОМАНДОРСКИЙ КРЕСТ

За бухтой Командора - крест.
Без надписи и без портрета.
Кто погребен на склоне здесь -
Ветрам неведомо про это.

Шуршит увядшая трава.
Рокошет Берингово море,
И ни о чем его слова.
Нет в них ни радости, ни горя.

Дух водорослей от воды
Сюда доносится незримо.
Как бы подальше от беды,
Стремится тучка мимо, мимо.

И я поспешно оставлял
Посеребренные от пыли
Тот дикий склон на островах,
Ту одинокую могилу.

* * * * *

Передо мной - моя деревня,
Я будто к давнему приник.
Когда ударил ты по струнам,
Запел - и песня потекла.
О чем она? О веке трудном
И о борьбе добра и зла.

И замер тут Тигиль казачий,
Услышав песни пришлеца...
А я же вижу: мама плачет,
Слепому слушая певца...

Аэропорт. Погоды нету.
В краю, где шли потоки лав,
Про мир, про жизнь, про лихолетье
Пой под гитару, Станислав.

Нам детство трудное досталось.
Пой, друг, про то и в наши дни:
Была война, а мы рождались
Затем, чтоб не было войны.